

Б.И.Ходоров

ВОСПОМИНАНИЯ

Школьные и студенческие годы. Шахматы.

Летом 1934 года наша семья переехала в Севастополь. Я стал школьником 5 класса в ближайшей к дому школе № 3, воспоминания о которой очень ярко запечатлелись в моей памяти. Обычно я с трудом вспоминаю имена и отчества знакомых мне людей, но вот фамилии, имена и отчества моих преподавателей в этой школе я хорошо помню до сих пор.

Борис Георгиевич Верди преподавал географию. Это был очень сдержаный и немногословный человек. Он не ограничивался чисто формальным описанием различных стран и народов, населявших нашу Землю, но всегда приносил на урок какие-нибудь свидетельства своего участия в различных поездках и экспедициях, которые в ту пору были редко кому доступны.

Я помню, как на урок, посвященный географии Италии, он принес пробирку, заполненную (как он нам сказал) пеплом из кратера Везувия, собранным им во время одного из путешествий в те края, а также кусочки лавы, привезенные из Помпеи. Чтобы ярко продемонстрировать честность финнов, он рассказал поразительный случай. Их пароход, который привез их туристическую группу в порт ****, остановился где-то в порту, и туристы на весь день ушли в город. Он вернулся на пристань с опозданием. Выяснилось, что их пароход переплыл в другой порт.

Он бросился искать новую стоянку, но тут выяснился, что пароход снова ушел. Ему остали записку, из коей следовало, что его вещи оставили на первой стоянке. Когда он вернулся на это место, оказалось, что на пирсе стоят его вещи без всякого присмотра – с полной уверенностью, что они не пропадут.

Я не знаю, в какой мере все эти рассказы соответствовали действительности, но тогда мы свято верили всему тому, что нам рассказывали, и это ярко запечатлевалось в нашем юном сознании. По-видимому, учитель показывал нам пример того, какими надо быть, чтобы было интересно жить самому и быть интересным для окружающих.

Преподаватель литературы, *Татьяна Михайловна Дариенко* не ограничивалась только школьным преподаванием. Она организовала литературный кружок, на котором по вечерам мы читали Софокла, Эмпедокла, Эсхила, Еврипида и других древнегреческих драматургов и писателей (трагедии и драмы). Читали и обсуждали эти произведения.

Минандер Павлович Соколов (муж директора школы) по вечерам устраивал музыкальные концерты. Он играл на рояле произведения Моцарта и Бетховена, а также рассказывал нам о жизни этих композиторов.

Забавно, как у нас преподавали историю. В начале года рассказывали о походах Суворова, очень критически оценивая их значение и властное поведение Суворова. В конце года этот же преподаватель говорил о том, что в настоящее время эти взгляды пересмотрены,

подчеркивались высокопатриотическая роль суворовских походов, причем особенно восхвалялось значение Суворова как великого военного руководителя.

Математику нам преподавала *Маргарита Михайловна Меньшилова*. Это была женщина невысокого роста, с седыми волосами, которая отличалась строгим выражением лица и большой требовательностью. У меня никак не клеилась дружба с ней, и я никак не мог понять, каким образом один из моих соучеников (Эдик Осиевский) умудряется писать контрольные без единой помарки – и всегда получать пятерки. У меня вечно была какая-нибудь помарка, так что я получал 4 с плюсом. Контрольные я писал, располагая лист горизонтально («ландшафт»), а не так, обычно расположена школьная страница. Каждый раз ММ писала в конце моей работы, что лист надо ориентировать вертикально – а я отвечал, что «мне так удобно».

На одном из уроков математики случилась смешная история, о которой я сам и забыл, но мне напомнила о ней моя соученица Анусис Сандомирская. В тот памятный день я был дежурным по классу. С моим товарищем Сережей Джанджаняном мы сидели в первом ряду, но далеко от доски, на которой ММ (Маргоша, как мы ее звали) цветными мелками излагала тригонометрическую теорему. Мы же с Сережей были шахматисты, и играли в слепую (не глядя на шахматную доску). Маргоша заметила, что мы чем-то заняты весьма далеким от школьной доски, и громким голосом призвала меня к ответу («Ходоров, к доске!»). В этот момент я вспомнил, что я дежурный по классу - и стремительно подбежал к доске и стер мокрой тряпкой все на ней написанное! Класс застыл – но тут раздался спасительный звонок: перемена!

Однако самое большое влияние в моей жизни оказал на меня преподаватель физики, Яков Аронович Кумыш. В один прекрасный день он пришел на урок и сообщил нам о своем решении предложить написать сочинение по физике на одну из самостоятельно выбранных тем – например, о Фарадее, Гальвани или Вольта, открывшими животное электричество. Это предложение меня очень заинтересовало – тем более что он сказал, что в последних номерах журнала «Пионер» (в 11 и 12 номерах) опубликованы статьи, в которых Гальвани и Вольта спорили о том, существуют ли у животных электрические явления.

Как известно, этот спор в течение многих лет велся в письмах, посыпаемых друг другу Гальвани и Вольта (тогда не было научных журналов). В конечном итоге, этот спор завершился двумя открытиями: Гальвани обнаружил, что в нервах и мышцах при их возбуждении действительно возникают электрические токи, а Вольта доказал, что при опускании разнородных металлов в солевой раствор возникает разность потенциалов между ними. Таким образом, он изобрел первую электрическую батарейку.

Популярных статей, описывающих работы Гальвани и Вольта, я так и не прочитал, но в книжных магазинах Севастополя я нашел книгу «Переписка Гальвани и Вольта» с блестящей статьей Лебединского, посвященной истории их открытий, связанных с проблемами электрофизиологии. В 9 и 10 классе я усиленно занимался чтением различных статей, посвященных проблеме “животного электричества” и даже написал многостраничный очерк, посвященный истории основных открытий в этой области, рассчитанный на такого читателя, как школьник старших классов. Это сочинение определило мою «жизнь в науке» - основное направление моих исследований в области

физиологии нервной клетки, начатых на первом курсе мединститута и продолженных в годы эвакуации медицинского института в Средней Азии (Ташкенте), а затем (уже после окончания войны) в различных институтах.

В свои школьные годы, особенно в период, когда наша семья переехала в Севастополь (1933 – 1939), я очень увлекался шахматами. Дома у меня были три комплекта шахматных фигур: два деревянных и один из слоновой кости. Эти шахматы были открыты на двух столах, и в свободное от школьных занятий время разыгрывал партии великих шахматистов. Причём перед тем, как идти на турнир, я очень любил разыгрывать блестящие партии Алёхина (которые были опубликованы в его книге «Мои 100 лучших партий»). Я занимался также изучением теории шахматной игры, решал шахматные задачи. В результате в одном из турниров, проходившие в Севастополе, я получил квалификацию первой категории и стал чемпионом по шахматам в Севастополе.

В связи с этим, вспоминается ряд забавных эпизодов, которые оказали существенное влияние на мою дальнейшую научную работу в послевоенные годы. Однажды летним вечером в приморском парке Севастополя я проводил сеанс одновременной игры на 20 или 35 досках. Мои противники не отличались большой силой, так что я выиграл почти все партии. Когда я уже собирался уходить домой, то заметил, что одна партия ещё не была закончена. Мой противник, «милый старичик», имел безнадёжную позицию. Покрякивая «текс-текс-брекекекекс», он продолжал ломать голову над тем, как спасти своего короля.

Этот «старичик» оказался профессором *Ветохиным* из Белорусского медицинского института. Как и некоторые другие учёные, он приезжал в летнее время в Севастополь для проведения экспериментальной работы на рыбах и моллюсках Чёрного моря. Эти исследования проводились в прекрасном институте физиотерапии в старинном здании с роскошной библиотекой и читальными залами. Я рассказал ему, что сейчас читаю статьи и книги, в которых популярно излагаются истории открытия животного электричества и современное состояние этой проблемы.

На следующий день мы с ним снова встретились. Он провёл меня в свою лабораторию, где я ему показал свои конспекты книг и статей, прочитанных к тому времени. Среди этих книг и статей была знаменитая монография Bernstein «Elektrobiologie» (1912), изданная на немецком языке. Поскольку в эти годы я увлекался изучением немецкого и французского языков, то смог разобраться в основных открытиях в этой области и начал писать о них очерк.

После окончания школы, я поступил в Харьковский медицинский институт. В первый год учёбы я пытался совмещать с научной работой на кафедре физиологии, шахматами и музыкой. В 1939 г. наших трёх студентов, Смигельского (он стал потом знаменитым хирургом, работал в Кургане, приезжал в Москву, и пару раз мы с ним встречались в институте хирургии им. Вишневского, вспоминая смешные эпизоды из нашей совместной поездки в Киев), А. Бранта и меня, откомандировали в Киев для участия в турнире на первенство «Спорта общества здоровья». Нас поселили в роскошной гостинице, которую потом, во время войны взорвали авиабомбой и выдали талоны на питание в ресторане. Шахматные партии мы играли во второй половине дня.

У меня было такое расписание: утром я посещал какой-нибудь музей или церковь, где любовался фресками и старинными картинами, а во второй половине дня я выигрывал шахматные партии. У моих товарищей дела шли так: Сталинский стипендиат Смигельский часть партии проигрывал, а другие выигрывали. Алик Брант устойчиво шёл на последнем месте. И помнится мне, лежим мы в номере на своих кроватях, и Алик произносит: «До чего же хорошо мы здесь живём, если б еще и не этот проклятый турнир!».

Кажется, я тогда занял второе место, но вернувшись в институт, пораздумав над сложившейся ситуацией, решил, что шахматы надо бросить, т.к. сочетать шахматы и научную работу очень трудно.

Военные годы

Лето 1944 года. Заканчивается моя учеба в Ташкентском медицинском институте, и военкомат направляет меня на должность старшего врача в гаубичный артиллерийский полк на первый белорусский фронт. Помню, как наскоcко надели военную форму и погрузили в санитарный поезд, направлявшийся из Ташкента в Москву. Выясняется, что прежде чем попасть в этот полк, мы должны в Москве пройти трехмесячные курсы подготовки военных врачей, и лишь потом ехать под Минск, где и должно формироваться наше военное соединение.

Санитарный поезд, в котором мы оказались на пути в Москву, обладал очень интересным характером: он без всякого объявления трогался в путь, а затем где-то останавливался по дороге, не доезжая крупных железнодорожных станций. Далее, постояв неопределенное время от нескольких минут до нескольких часов, поезд снова двигался в путь. Таким образом выйти из вагона на какой либо станции было равносильно дезертирству, поскольку поезд мог в любое время исчезнуть из поля зрения.

Наконец, мы в Москве. Наше появление на перроне вокзала произвело на военный патруль шоковое впечатление: мы и не подозревали того, как мы выглядели на самом деле. Оказывается, на большинстве из нас было военное обмундирование на два-три размера превышающее параметры наших тел, погоны свисали с плеч, брюки едва держались, стянутые дополнительно веревкой, кирзовые сапоги превышали размеры наших ног. Все были давно не бритыми. Увидев нас, патрульные посовещались и загнали нас под какой-то навес, заваленный балками. А позже, посовещавшись с начальством по телефону, нас построили в шеренгу и загнали под какую-то арку, где мы находились до наступления темноты, когда нас можно было вывести в город без опасения вызвать шок у московских граждан.

На следующий день нас поселили в какие-то казармы на площади восстания, заменили одежду, дали возможность помыться и побриться. После этого началось наше усовершенствование по программе того, что должен знать и как поступать военврач на фронте. Обучали нас пожилые военные, которые, по-видимому, понятия не имели, что в действительности происходит на фронте. Когда по окончании этих курсов я попал в полк, и его командир спросил меня, где же я собираюсь расположить медсанчасть, я доставил

ему большое удовольствие своим ответом. Он сказал, что если я буду поступать так, как меня учили, то он просто пристрелит меня на месте.

Вообще было много смешных казусов связанных с реализацией тех знаний, которыми нас обогатили на курсах повышения в Москве. Нас, например, учили, что в присутствии старшего по званию офицеру нельзя обращаться к младшему, не спросив разрешения старшего. И вот, когда я подошел к майору Лукашу и попросил разрешения обратиться к его начальнику, но по званию капитану с каким-то вопросом, то меня здорово высмеяли. Оказалось, что на деле все не так, как написано в уставах, и чему нас бессмысленно учили в Москве, вместо того чтобы направить в действующие части.

Когда закончилась учеба в Москве, меня направили под Минск. Я прибыл в штаб полка, где началась моя новая военная жизнь. На мои плечи сваливается 1000 солдат и офицеров, которым я обязан обеспечить здоровье и благополучие. Между тем, части формировались из западных белорусов - молодых ребят, которым дома забыли объяснить, что нужно ежедневно умываться, мыть посуду, а не оставлять недоеденную пищу в тарелках и затем накладывать в них другую пищу. О том, чтобы следить за гигиеной, они вовсе не слышали. Впрочем, я тоже не отличался большой грамотностью в этих делах, и поэтому не раз попадал впросак.

Помню, как нам объявили, что придет комиссия проверять порядок в полку. Я дал команду всем поварам надеть чистые халаты, посыпать песок вокруг кухонь и вычистить посуду. Прибыла комиссия во главе с полковником *Веревкиным*, который одним взмахом руки открыл все ящики для кухонных принадлежностей и вытащил все грязные тряпки. Белые халаты повара надели поверх шинелей (а кухня была на улице, где было холодно), закатали рукава халатов до локтей и раздавали пищу, залезая в котлы рукавами шинелей.

Веревкин прошел по всем пунктам, обратив особое внимание на картофелечистку, которая срезала по половине клубня, оставляя его неочищенным. Когда окончилась вся эта экзекуция, я робко спросил: «Я могу быть свободным?» он ответил «Будешь свободен, когда закончится война», и добавил, “Будешь долго помнить полковника Веревкина!”. С тех пор прошло 63 года я до сих пор помню его фамилию.

Больше всего я настрадался в борьбе со вшивостью: ежедневно утром на построении командиры подразделений проводили осмотр солдат, где вели подсчет числа людей, у которых на теле или на рубахах находились вши. Конечно, солдат смазывали специальным раствором, а белье обрабатывали. Но у этих проклятых насекомых была своя программа жизни! Начальник медсанбата дивизии (был такой майор) ничего лучшего не нашел, как потребовать, чтобы врачи полков, где была вшивость, являлись к нему с докладом: сколько человек заражены педикулезом. А чтобы сделать такой доклад, нужно было пройти не менее пяти километров. И вот представьте себе эту картину: поздно вечером врачи бредут к своему начальнику, чтобы порадовать его своими находками, вместо того чтобы лечить больных.

Как-то возвращаюсь в полк после доклада, а ко мне навстречу выбегает один из моих фельдшеров по фамилии Копейка и сообщает радостную новость: при обработке белья, развешенного на плечиках в специально вырытой камере (в ней была раскаленная бочка), насекомые погибли (это хорошо), но порвались веревки, и все белье сгорело (это жаль). В

результате солдаты остались без одежды, ожидая возвращения белья в соседнем помещении. Копейка был воодушевлен этим зрелищем и ждал моего решения.

Впрочем, все как-то обошлось: нашли начальника каптерки, который заведовал бельем (он был пьян), достали новое белье и одели солдат. Борьба с насекомыми отравляла мне жизнь ежедневно, а между тем, я совершил настоящих подвиг, о котором никогда никому не говорил, так как и не подозревал, что это было самым серьезным делом, которое я совершил в годы войны: я вылечил от фурункулеза более 500 солдат!

Дело в том, что солдаты жили в очень тяжелых условиях в плохо отапливаемых бараках. Они плохо мылись, питание было малокалорийным и без витаминов, так что все эти тяготы военной службы приводили к тому, что на теле появлялись фурункулы, причем число их ежедневно увеличивалось. Тут я вспомнил об аутогемотерапии. Из вены больного бралась кровь и вводилась в ягодицу, что стимулировало иммунную систему и довольно быстро избавляло больного от болезни. В медпункте кровь лилась рекой, но эффект был замечательный. Солдаты возвращались в строй, где они проходили обучение трудному артиллерийскому делу: им нужно было овладеть тяжелыми гаубицами, имевшими важное значение в наступательных боях.

Чтобы проводить все эти лечения, мне нужен был спирт, а купить его было невозможно. В боевом комплекте санчасти хранились два литровых сосуда с этиловым спиртом. Кто-то научил меня, что в спирт целесообразно накапливать немного бензина, чтобы отвратить возможного похитителя спирта, столь желанного в мужской компании артиллеристов.

У меня в санчасти был один очень опытный фельдшер, которого при распределении помощников я старался оставить у себя. Однако я и не подозревал, что этот молодой человек зависит от спиртного. Помню, иду по территории полка, а мне навстречу идут: этот фельдшер и заместитель командира полка по строевой части - очень отважный вояка, который, к сожалению, из-за своего пренебрежения к опасности позднее погиб. Полковник обращается ко мне: «Доктор, что ты там подмешал в спирт? Меня уже второй день мучает мотоциклетная отрыжка! Оказывается, мой фельдшер вскрыл боекомплект и приложился к нему, а спирт был с примесью бензина.

После взятия Берлина (1-2 мая 1945 года) наши войска (точнее, наш артиллерийский корпус) помчался на запад к реке Эльбе навстречу наступающим с запада американских войск. Помню, 8 мая прозвучали последние выстрелы наших гаубиц, и мы прибыли к какому-то охотничьему замку, где нам приказано было расквартироваться. Началась суета, борьба за помещения, нашу санчасть расположили в комнатах, имевших какое-то отношение к милиции. Вспоминаю какие-то столы, кресла, имеющие явное сходство с мебелью медицинских учреждений, а также огромную резиновую гелку размером в односпальную кровать, в которой помещалась пару ведер воды.

Наши солдаты, всегда потешавшиеся над моим санитаром Камлянским, наполнили эту гелку холодной водой и подложили ему под бок, зная его беспробудный сон. А спал он действительно как мертвый, и разбудить его никаким шумом было не возможно. С ним был такой случай. В ночь перед началом наступления на Берлин, всех офицеров созвали и предупредили, что артподготовка начнется в пять утра, так что к этому часу все должны быть готовы к маршу. Тут ко мне приходит ко мне Камлянский и просит разрешения

переночевать у меня в комнате, хотя бы на пороге. Я ему отвечаю, что в пять утра начнется артподготовка, нужно быть одетым и готовым к походу, а он божится, что встанет в четыре утра, так что мне не о чем беспокоиться. Как и сказали, в пять утра начался грохот, все орудия, и тяжелые и легкие, гремели во всю мощь, казалось, что земля содрогается, но мой Камлянский продолжал с наслаждением сопеть, и никакими криками и сотрясениями его невозможно было разбудить. Тогда старшина санчасти, бравый украинский парень, сказал, что он знает, что делать. Наполнил ведро холодной водой и обдал Камлянского. Это, наконец, подействовало и, вытащив из кармана кусочек сала и хлеба, Камлянский открыл глаза, и только через полчаса пришел в боеготовность под продолжающийся грохот орудий. А стреляли, между прочим, наши почти попусту, потому что немцев уже на этой территории не было, все их полуразбитые соединения, к сожалению, удрали на запад.

Так вот, эту гинекологическую грелку размером в кровать вытащили из-под Камлянского только утром, он всю ночь проспал на ней! Все это было 8 мая поздно вечером, и мы толком не знали, что и где делается на фронте и в тылу. А вся Москва уже праздновала окончание войны. Как нам потом рассказывали москвичи, поздно ночью, бросив свои постели, все двинулись на Красную площадь, чтобы вместе отпраздновать эти счастливые минуты, которых так долго ждали.

А мы, находясь на берегу Эльбы, отделявшей нас от американских соединений, узнали о том, что закончилась война только на следующий день утром 9 мая. Причем, дело было так: обычно утром, в 8 утра полк выходил на построение, на котором командование сообщало о плане действий на этот день и о происшествиях за ночь. Но 9 мая команды на построение, ни в 8, ни в 9 утра не было, и мы недоумевали, что бы это значило. Мы понимали, что конец войны близок, но рядом с нами были американцы, и в разгоряченные головы некоторых наших офицеров приходили мысли о том, что нужно теперь открыть огонь по американцам, чтобы не уступать им завоеванную немецкую землю.

Но вот, наконец, около 11 часов утра нас всех собрали, и командир полка Ашихмин, сообщил нам, что война закончена, немцы подписали безоговорочную капитуляцию. Удивительное дело, все мы, так долго ждавшие этой минуты, не могли почувствовать торжественность прошедшего.

Несколько офицеров, открыли коньяк, выпили и не знали, что им говорить, открывалась новая жизнь, казалось совершенно неожиданно для каждого и нас. Среди нас был и подполковник, которого недавно прислали в полк для прохождения какой-то практики. Помню, он прекрасно играл на рояле и исполнял нам какую-то сонату Бетховена.

Конечно, мы все мечтали быстрее вернуться домой, но не тут-то было: нам сообщили, что только часть войсковых соединений будет отправлена домой, а другая часть останется на какое-то время на территории Германии в оккупационных войсках. Мы оказались в числе этих «счастливцев» и с завистью смотрели на тех, кому предстояла счастливая дорога домой. Только позднее мы узнали, что только часть отправляемых на восток войсковых соединений действительно возвращалась домой, а остальные в плотно закрытых вагонах - типа теплушек - со свистом помчались через всю Россию на дальний восток, где им

предстояло продолжить войну с японцами. Для них война окончилась лишь после того, как американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки, так что у японцев уже не было другого выхода, как сдаться.

Я помню, как в газетах было короткое сообщение об этом событии, без каких либо комментариев и обсуждений по поводу действий американского командования. Все были счастливы узнать, что эта атомная бомбардировка мгновенно завершила войну, так что выжившие смогут вернуться домой.

Наш полк направили в маленький немецкий городок на реке Заале. До этого в нем размещались американские части, которые мы видели только мельком, когда они уходили из города. Это были рослые красивые американские ребята, в чистой отглаженной одежде, не в пример нашим низкорослым и плохо ухоженным солдатам. В американских частях афроамериканцы занимались стиркой, глажкой белья, организацией питания и т.д. Каждый американский солдат ежедневно получал плитку шоколада, апельсины, ананасы, но из казарм можно было выносить только шоколад, которым американцы охотно угождали немецких девушек.

Хотя это была пехотная часть, но на каждую четверку солдат приходилась одна машина (джип), так что эта часть была полностью моторизована. По субботам и воскресеньям на таких машинах американцы приезжали к своим немецким подругам и увозили их на прогулки. Все это было очень весело, и поэтому немецкие дамы очень загрустили, когда американцев сменили русские. Можно сказать, что немецких молодых мужчин в городе практически не было: большинство из них было мобилизовано в армию, так что теперь они находились в лагерях для военнопленных.

Наши части расположились в казарменном городке, причем солдат поселили загородом, а офицерам разрешили располагаться в немецких домах, потеснив хозяев. Вот ту и началась веселая жизнь: наши молодые здоровые офицеры с большим энтузиазмом занялись посещением немецких женщин, после чего мне, как врачу полка, пришлось быстро овладевать основами венерологии.

Наши ребята быстро овладели диагностикой гонореи. Их образования хватило и на то, чтобы узнать, что гонорею нужно лечить сульфамидами. Эти препараты они доставали в аптеках города (аптекари выдавали их бесплатно). А вот то, что для лечения необходимо сначала принимать ударную дозу препарата, они не знали. Принимая по таблетке, они загоняли инфекцию вглубь и переводили острую форму в хроническую. После этого, то один, то другой офицер приходили ко мне и скромно, потупившись, показывали пустую баночку из препарата и пострадавший предмет.

У меня был микроскоп, и я под микроскопом легко распознавал гонококки в выделениях. Поначалу я не знал, что нужно делать с хронической гонореей, но потом кто-то мне подсказал, что гонококки плохо переносят высокую температуру. Чтобы ее поднять, нужно в ягодицу ввести 40 процентную эмульсию скипидара. Температура тела у моих офицеров поднималась до 40 градусов и гноетечение резко усиливалось. На этом фоне я давал им ударную дозу сульфидина, после чего через три-четыре дня гноетечение прекращалось. Анализ показывал, что гонококки исчезли, так что можно было идти на дальнейшие любовные подвиги.

Однако у многих абсцесс ягодицы удерживался в течение недели, так что на плацу, то один, то другой офицер волочил ногу, заявляя, что у него приступ радикулита. Командир полка, полковник Ашихмин рвал и метал: он грозил мне расправой за то, что я плохо слежу за здоровьем офицеров - до тех пор пока не почувствовал сам, что я ему очень нужен.

Город Наунбург, в котором мы проживали, находится сравнительно недалеко от Лейпцига. Мне пришла в голову мысль поехать туда и разыскать всемирно известный университет. Я хотел спросить руководство Бете на кафедре биохимии, которой руководил в свое время знаменитый *Emil Abderhalden*.

В один из дней я сообщил начальству, что мне для получения препаратов нужно съездить в Лейпциг. Я поехал туда на своей санитарной машине, захватив моего ординарца Камлянского. Приехав в университет, я разыскал кафедру Абдерхальдена и был поражен тем, что там увидел. Я представлял себе, что эта имеющая мировую известность кафедра оборудована по современному уровню техники: стекло, пластик, роскошные раковины, приборы и т.д. Вместо этого я увидел крайне допотопные деревянные столы, изъеденные кислотами и щелочами.

Ко мне навстречу вышел мужчина средних лет в белом халате и сообщил, что он доцент кафедры. Появление русского офицера на их кафедре вызвало у него удивление и даже легкий испуг. К этому времени я уже прилично изъяснялся по-немецки. Я представился ему и объяснил, зачем пришел: спросил, нет ли у него искомого руководства по биохимии. Успокоившись, он отправился в библиотеку и вскоре вынес толстый *Handbuch*. Я его поблагодарил, обещал вернуть и уехал.

Полгода спустя нам объявили, что мы покидаем Германию и возвращаемся домой, я снова поехал в библиотеку, взял с собой руководство, банку свиной тушенки (в то время это было роскошным подарком), нашел кафедру и доцента, и к его великому удивлению все это поставил ему на стол. Он не мог поверить своим глазам, никак не рассчитывая, что эта книга когда-либо вернется на кафедру. Я, со своей стороны, и не подозревал, что мой поступок вызовет такое удивление.

Полгода мне было чем заниматься, кроме приема больных солдат, снятия проб на кухне, встреч с Аней, и прочих обязательных дел. Как я уже говорил, казармы, где находился наш полк, были огорожены высокой металлической решеткой, откуда ни один человек не мог уйти без пропуска. Впрочем, солдаты способны на многое.

Однажды к нам приехал высокий начальник на роскошном мотоцикле. Цель его приезда заключалась в проверке продовольственного склада: начальство желало выяснить, что имеется на складах сверх официально полученного. А там действительно кое-что было. Начальника угостили французским коньяком и зажарили шашлык. Разумеется, он подписал все документы и очень довольный вышел из казармы во двор к своему мотоциклу. Мотоцикла не было. Решили, что его переставили в более безопасное место, но и там его не нашли. Двухчасовые поиски чудом исчезнувшего мотоцикла не привели к результату ни в этот, ни в последующий день. Командир рвал и метал. На следующий день он устроил проверку казарм и всех помещений. Я случайно присутствовал на одном

из таких разносов. Командир полка кричал на мл. лейтенанта, вытянувшегося перед ним по всем швам, что оружие у него не чищено, и что он выпивает и таскается по бабам. На это лейтенант ему отвечал, что оружие они чистили, а что касается баб, так он их уже три месяца в рот не берет.

Начальники очень тщательно проверяли санитарное состояние комнат и заправку кроватей. Один начальник поднимал стул и пальцем проверял, есть ли на нем пыль. Начальником штаба был у нас сравнительно молодой армянин, который любил хвастаться, какие у него сапоги-галифе и какой он шикарный мужчина. Он обожал, когда ему вторили остальные – а ему поддакивали, поскольку от него зависела выдача пропусков для выхода в город. И вот однажды решили над ним пошутить. В пачку пропусков, подготовленных ему на подпись, вложили бумажку с постановлением о том, что он приговаривается к смертной казни за нарушение дисциплины. Предварительно в течение целого дня по всякому поводу им восхищались, и потом подсунули ему эту пачку на подпись. Он не глядя на написанное, все подписал. Как всегда довольный собой, на следующий день на доске приказов он нашел подписанный самим собой смертный приговор себе.

Офицеры веселились, как могли, причем наибольшее удовольствие им доставлял я. Дело в том, что я оказался единственным человеком в полку, который носил очки. Однажды в бане я сел на свое белье, в котором были очки. Запомнилась фраза «Доктор раздавил свои очки». Однажды я уснул на политзанятиях, а мои соседи заклеили мои очки кусочками газеты, смочив их слюной. Я проснулся на минуту, увидел темноту и снова уснул. Затем с одного стекла бумага отклеилась, и долго не мог понять, почему один глаз видит, а второй нет.

На этом обрываются воспоминания БИ, который диктовал их своим ученикам в разное время. Не всегда был диктофон, поэтому рукописные заметки пришлось слегка редактировать - дергерр